

СИМВОЛИКА РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ В ПРОПОВЕДЯХ ИОАННИКИЯ ГАЛЯТОВСКОГО: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛА

В статье рассматриваются изменения в системе символов церковнославянского языка, вызванные процессом секуляризации и влиянием барокко. Анализируются новые способы интерпретации традиционной христианской символики украинскими проповедниками (на примере сочинений Иоанникия Галятовского).

Ключевые слова: символ, метафора, художественный образ, церковнославянский язык, проповедь, барокко.

В XVII в. в церковнославянском языке произошли значительные изменения, и он стал более открытым для проникновения в него различных по стилистической окраске и сфере употребления элементов. Прежде всего изменения коснулись устных жанров, в частности церковной проповеди, которая должна строго следовать христианским догматам и быть непосредственно обращенной к слушателю, а значит, отличаться доступностью, убедительностью, выразительностью и назидательностью.

В этот период секуляризация языка, как это ни парадоксально звучит, коснулась и проповеднических текстов. Оставаясь религиозной по содержанию, проповедь получила новые формы выражения, заимствованные из барокко. «Загадочность и курьезность – вот возможный девиз этой культуры. Изумлять и удивлять – один из художественных постулатов барокко» [Левшун, 2009. С. 781], определивший творческий метод авторов текстов – *аллегорическую амплификацию*¹ (термин Л. В. Левшун. – Т. 3.), т. е. поиск смыслов, соответствий в явлениях или предметах и объяснение этих смыслов, «исходя исключительно из творческого произвола художника, зависящего от его эстетических приверженностей, уровня остроумия и образованности» [Там же. С. 120].

Поэтому и к текстам Священного Писания, и к символам проповедник относится прежде всего как к предмету «дискурсивного анализа... тому, что должно быть объяснено и наделено смыслом... Священный текст воспринимается при этом как ряд аллегорий, в которых сокрыта Истина. Художник видит свою задачу в необходимости разгадать, расшифровать хотя бы некоторые из этих аллегорий, причем критерием художественности в данном случае выступает виртуозность, искусность, – легкость, с которой “препарируется” священный текст» [Там же. С. 121]. Естественно, что при таком «препарировании» появляется произвольность в толковании Священного Писания. Для проповедника главным становится уже не столько конечный результат (невозможно рациональным умом понять божественную истину), а сам процесс, поиск новых средств и форм выражения, поиск новых смыслов и образов.

Основным средством изображения по-прежнему остается символ, но теперь он представляет для авторов, главным образом, художественную ценность: насколько он многозначен, «семантически растяжим» и способен вызывать ассоциации, смысловые и звуковые нюансы соответствующего слова; наконец, насколько частым может быть

¹ От лат. *amplificatio* ‘расширение’, переход от общего к частному, от рода к виду.

его употребление в текстах. Именно частота определяет статус традиционных, или ядерных, основных образов – центр символической системы, и вторичные, вспомогательные – ее периферию. Символ как бы рассыпается в текстах на множество смыслов; раскрывается, обновляясь через метафоры, сравнения, сопоставления, иногда создавая яркую символическо-метафорическую картину. Относительно церковной проповеди не совсем корректно говорить о метафоре, так как «...то, что мы принимаем за метафору, во многих случаях оказывается скрытым символом... Опираясь по преимуществу на богословские учения... символы вносили в литературу сильную струю абстрактности и по самому существу своему были прямо противоположны... метафоре... сравнению, основанному на метко схваченном сходстве... на реально наблюдаемом... на живом и непосредственном восприятии мира [Лихачев, 2001. С. 149]. Но в проповедях XVII в. отмечается тенденция к метафоризации символов, т. е. объяснению символических значений слов на основании реальных свойств предметов.

Проповедники стараются работать в стихии символа: за словом сохраняется духовный смысл, который прочитывается по Священному Писанию. Но сами авторы часто разрушают символическую целостность слова, снижают семантику символа, переводят его из мира «верхнего», мира идей, в мир «дольный», мир предметов. Это происходит из-за повышенного интереса ко всему второстепенному, неглавному: образу, значению, источнику. Все это характерно и для творчества Иоанникия Галатовского. Сборник его проповедей «Ключ разумения» был издан в Киеве в 1659 г. (подробнее см.: [Заворина, 2008. С. 193–210]). В 1660 г. в Киеве вышли приложения к нему – «Казаня, приданные до книги Ключ разумения» и «Наука короткая, албо способ зложения казаня» и «Чуда пресвятой Богородици некоторые». Позднее эти книги были объединены в одну и изданы во Львове в 1663, 1665 гг.

Источником для нашего исследования послужило одно из таких немногочисленных изданий, хранящееся в отделе редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки (Новосибирск). Оно представляет собой объединение вышеуказанных сочинений Галатовского, изданных в Киеве в 1659, 1660 гг. и

собранных в одну книгу. К сожалению, она неполная – нет первого и второго Слов на Рождество Иисуса Христа, не хватает листов и в Слове на Обрезание Господне. Это одна из так называемых храмовых книг – ранее она передавалась в пользование храма, о чем свидетельствует соответствующая надпись в книге.

Н. Ф. Сумцов выделяет Галатовского из всех современных проповедников «по умственным дарованиям и начитанности»; «...лучшие литературные произведения принадлежали его перу. В Галатовском Южная Россия нашла талантливого и ученого деятеля, бойца за православие» [1884. С. 2].

Проповеди Иоанникия Галатовского являются школьно-схоластическими по типу и продолжают западную традицию. В них ярко отражены следующие черты барокко:

- «переизбыточность», усложненность формы за счет обильного иллюстративного материала;
- цитирование Священного Писания и святоотеческой литературы почти наравне со светскими источниками;
- интерес ко всему новому и необычному (установка автора – потрясти воображение слушателя);
- повышенное внимание к вторичным, несущественным деталям, признакам, образам и значениям;
- неожиданное сочетание удаленных, а порой и чуждых по своей природе слов, образов и представлений;
- связь в пределах одного текста или фрагмента по отдаленным признакам, иногда по авторской ассоциации;
- многоуровневое восприятие текста. Выделение четырех смыслов – «литерального» (буквального), «морального» (назидательного), «аллегорического» и «анагогического» (традиция идет от Августина).

Галатовский не ставит целью пересказать евангельское событие – это и так всем хорошо известно. Он стремится найти и объяснить что-либо новое, отсюда его интерес ко всему малозаметному, второстепенному, необычному. Поэтому он часто обращается к «Физиолу»² – энциклопедическому сборнику, рассматривающему реальные и

² «Физиолог» (др.-греч. Φῡσιολόγος) – сборники статей и сведений о животных и камнях, получившие начало во II или III в., быть может, в Александрии, позднее были переведены на славянский язык и пользовались в Древней Руси большой популярностью.

вымышленные свойства настоящих и мифических животных с точки зрения нравучительного смысла. Из «Физиолога» он заимствует символику животных, а символику растений — из ветхозаветных и новозаветных притч.

Мы проанализировали две группы символов с первичными значениями: 1) «растения» (и их «части») и 2) «животные» («птицы», «рыбы», «насекомые» реальные и вымышленные). Объем картотеки составил 75 символических единиц. Их отбор обусловлен популярностью и частотой употребления, традиционностью, многозначностью и семантической растяжимостью образов.

Все символические образы (здесь более правильно определить их как символическо-метафорические) мы разделили на несколько групп по способу интерпретации автором символических значений.

I. Традиционные символические образы. Конкретные значения реализуются в контексте, иногда автор намеренно «сталкивает» полярные значения; обыгрывается полисемия символов. К таким единицам относятся: *баранок, виноград, виноградная гроздь, виноградная лоза, голубь, горлица, зерно, колос, конь, лев, лилия, маслина, овца, олень, олива, осел, осленок, пшеница, роза, телец, терние, уж*. Символы *агнец, купина неопалимая* выступают только в номинативной функции, не получая художественного переосмысления. Это «идеальные» символы, они интертекстуальны, суггестивны, поэтому не требуют раскрытия. Символы *ночной воран на нырищи, неясить пустынная* взяты из «Физиолога». У Галатовского они однозначны и в таком словосочетании обозначают Иисуса Христа (ср. Пс. 101 : 7).

II. Традиционные символические образы, в раскрытии которых автор делает акцент на периферийное значение: *вол, дуб, кедр, кипарис, орел, саранча, финик*.

III. Редко употребляемые символические образы, взятые из Священного Писания и «Физиолога». Их «экзотичность» открывает простор для творческой фантазии проповедника: *велиярыб, гипокентавр, еж, ихневмон, крокодил, муравей, паук, сирен, хирогрил, ботьян, моноцидиат, алцион, порфирион, харадрий*.

IV. Новые оригинальные символические образы:

1) созданные в результате контаминации: *как на яблоне, лев (пантера), цвет сельный*;

2) созданные на основе лексем, встречающихся в Священном Писании только в номинативной функции, в прямом значении: *воробей, лен, тополь, рута*;

3) не встречающиеся в Священном Писании: *гелиотропион, лавр*.

Рассмотрим способы интерпретации символов автором.

Во втором Слове на Покров Богородицы эпиграфом взята строка из Апокалипсиса: «Даны были жене два крыла» (Апок. 12 : 13–14). Во вступлении Галатовский подробно пересказывает этот фрагмент и дает пояснения. Центральный образ, вокруг которого строится проповедь, — *Дева с двумя крылами*. Галатовский приводит традиционное символическое объяснение: *змея* — ‘дьявол’, *дева* — ‘церковь’, *два крыла* — 1) ‘два завета’, 2) ‘Илия и Енох’ (Апок. 11 : 3–4). Относительно событий Нового Завета автор дает толкование: *змея* — «царь Ирод», *дева* — ‘Богородица’, *два крыла* получают метафорическое значение — это ‘совокупность добродетелей’. Используя прием амплификации, Галатовский называет двенадцать птиц, у которых взято по перу (добродетели) для крыльев Девы.

В числе двенадцати птиц названы пять реальных и семь мифических. Их количество имеет символическое значение, а выбор птиц произвольный. Проповедь построена на сопоставлении свойств птиц и нравственных качеств Богородицы. В таблице перечислены наименования птиц, названы признаки, по которым проводится сравнение, и указан источник мотивации.

Как видим, Дева сравнивается с птицами не по внешнему сходству, а по внутренней сущности. Это глубинное сравнение по сути, по поступкам, внешние признаки совершенно игнорируются [Лихачев, 2001. С. 176–184]. Признаки в основе сравнения ассоциативны, и для большей ясности признак может быть эксплицирован в тексте. Например: *Млетъ прѣтла дѣа в крылахъ сво- нхъ перо лебединое, лебедь предъ смертию своєю жалостно спѣваетъ, и прѣтла дѣа предъ смертию своєю была жалостнаа, же хѣ сѣа своєю не шладла и плакала. Так же «жалостно пла- кал» и благоразумный разбойник на кресте (Лк. 23 : 42). Млетъ прѣтла дѣа в крылахъ*

Названия птиц	Упоминание		Мотивация символического значения		Признак в основе сравнения
	Св. Писание	«Физиолог»	Св. Писание	«Физиолог»	
<i>Орел</i> *	+	+	–	–	«вознес дитя на алтарь»
<i>Гриф</i> **	+	+	–	+	«двойственная природа»
<i>Лебедь</i> ***	+	+	–	+	«плачет перед смертью»
<i>Журавль</i>	+	+	–	+	«мало спит», «держит в ноге камень»
<i>Ботьян</i>	–	+	–	+	«питает родителей»
<i>Феникс</i>	–	+	–	+	«возрождается после смерти»
<i>Голубь</i>	+	+	+	+	«несет мир, покой»
<i>Ласточка</i>	+	+	–	+	«открывает очи слепым»
<i>Моноцидидат</i>	–	+	–	+	«не касается земли»
<i>Алион</i>	–	+	–	+	«устраивает гнездо на море»
<i>Порфирион</i>	–	+	–	+	«целомудрие»
<i>Харадрий</i>	–	+	–	+	«отворачивается от грешных»

* Символическое значение мотивировано автором по историческим хроникам.

** Грифом называется в Библии морской орел; в «Физиологе» это мифическое существо, сочетающее черты птицы и льва.

*** По «Физиологу», лебедь сладко поет перед смертью. Но не плачет. Плач лебедя нигде не отмечен в Священном Писании; у античных авторов упоминается «сладкая песнь» перед смертью [Библейская энциклопедия, 1991. С. 424]. Образ плачущего лебедя либо восходит к народной традиции, либо это вымысел автора.

своих перо Фенѣзюбо, Фенѣзю умерши зновѣ
встаетъ за мѣтвыхъ, и прѣчалъ дѣла умер-
ши... встала за мѣтвыхъ. Так же «встала из
мертвых» и Тавифа, воскресшая за свое ми-
лосердие (Деян. 9 : 36–39).

Иногда связь между сравниваемыми объ-
ектами вообще отсутствует. Она абстрактна,
невещественна, ее невозможно объяснить
логически. Например, объединяющей может
быть просто двойственность. Общий при-
знак в основе сравнения *Девы и грифа* –
‘двойственная природа’. *Гриф* млетъ въ юбѣ
двоакѣю нѣтърѣ, сперѣдъ подобный етъ *Орлоке*
а с тылѣ подобный *Львон*, и прѣчалъ дѣла дво-
акѣю млетъ нѣтърѣ, материникѣю и девиче-
икѣю.

Желание удивить, потрясти слушателя,
показать что-то необычное прослеживается

на протяжении всей проповеди. Символиче-
ские значения названий реальных птиц объ-
ясняются не по Священному Писанию, а по
«Физиологу» и историческим хроникам.

Например, символическое значение сло-
ва *орел* Галатовский мотивировал историче-
ским анекдотом. *Орел* – один из наиболее
часто употребляемых символов: символ
евангелиста Иоанна; издревле это символ
могущества и силы (Иез. 17); гордости и
надменности (Иер. 59 : 16); скоротечности
и тщетности (Притч. 23 : 4–5). Внешний об-
лик орла, быстрота полета и другие его ка-
чества часто используются в метафориче-
ских сравнениях в Библии. По «Физиологу»,
орел имеет 7 символических значений, глав-
ные из которых – символ Иисуса Христа,
крестившегося в Иордане, и символ обнов-

ления души. Галатовский сравнивает орла и Деву Марию, не используя ни одного из традиционных значений, не привлекая ни одного традиционного контекста! Он приводит историю об императоре Аврелиане, которого в младенчестве орел взял из колыбельки и принес на алтарь, так и прѣтла Дѣл, цю орелѣз оуиннилѣз, беретъ тын дѣтн, людей шн-рыхъ (простых), правдивыхъ, покорныхъ, не-гнѣбныхъ и провѣднѣт нхъ до нѣл. Работу с образом автор проводит в четыре этапа, которые соотносятся с четырьмя смысловыми уровнями: рассказ о птице («буквальный»); сопоставление с Богородицей («аллегоричный»); отсылка к текстам Нового Завета, обычно цитируются широко известные строки («анагогичный»); назидательное обращение к пастве («моральный»).

Моральный смысл – важнейшая составляющая проповеди. При этом проповедник не должен довести слушателя до отчаяния, нужно оставить надежду на спасение.

Образы птиц могут ассоциативно вызывать появление вторичных символических образов, например:

журавль – держащий камень, мотивирует появление символа *камень краугольный* – ‘Иисус Христос’ (Мф. 21 : 44, Лк. 20 : 18);

голубь – *древо оливное* – ‘Иисус Христос’;

ласточка – *цвет сельный* – ‘Иисус Христос’;

алцион – *море* – ‘мир’.

Галатовский достаточно вольно, насколько это позволяет жанр церковной проповеди, работает с художественным образом. Он создает собственные образы, которые якобы встречаются в Священном Писании, и даже приводит несуществующие цитаты. Поясним на примере.

В сюжете о потопе *голубь*, принесящий Ною веточку оливы, символизирует мир и покой. Галатовский сравнивает Богородицу с *голубем*, а Иисуса Христа с *веткой оливы* на основании общего признака – ‘приносят мир’. В подтверждение символического значения *оливы* автор приводит строчку из Псалтири: «Я как *маслина плодовая*». Но символом Иисуса Христа был образ *маслины зеленеющей*; именно он указан и в Псалтири: *Я маслина вечнозеленая* (Пс. 51 : 10) и в Книге пророка Иеремии (Иер. 11 : 16).

Ласточка, по «Физиологу», травкой полевой хеледонией открывает очи слепым. Автор, сопоставляя Богородицу с *ласточкой*, а Иисуса Христа с *зелем* (полевой травкой), говорит, что *Дева тым зѣлнем* (‘Христом’) *людѣмз очн ѡлѣчнл телесныѣ и дѡшевыѣ*. Он называет Христа *цветом сельным*: *лзѣ цвѣтѣт сельный, ѿ квѣтѣт полный* (полевой?). *Цвет сельный* – в Библии символ скоротечности бытия (Пс. 102 : 15). А образ *цветка полевого*, не сеянного никем, прочитывается по Священному Писанию иначе: *Я нарцисс Саронский, лилия долин* (Песн. 2 : 1–2).

В конце проповеди слово *крылья* приобретает символическое значение ‘покров’. Создается образ небесной *девы-птицы*, собирающей своих *птенцов* (‘людей’) под *крылья* (Мф. 23 : 37, Лк. 13 : 34), которые ей даны за ‘добродетели’ (*перья*).

Новый символический образ у слова *лен* возникает в результате амплификации (переход от рода к виду) в первом Слове на Успение Пресвятой Богородицы. Эпиграфом к проповеди взяты слова из Псалтири (Пс. 44:10). Далее в проповеди Галатовский перечисляет, из каких ниток сшита риза Богородицы: льняных, шерстяных, шелковых и золотых. Каждая нитка символизирует определенную добродетель, например, льняная – терпение, шерстяная – невинность и чистоту, шелковая – покорность, золотая – мудрость. Слово *лен* неоднократно встречается в Священном Писании (Исх. 9 : 31; Лев. 13 : 47; Прит. 7 : 16; в Откр. 15 : 6 *лен* – символ невинности и чистоты). Признаки, которые могли быть положены по Священному Писанию в основу сравнения *лен* – *добродетель*: ‘дорогой’, ‘чистый’, ‘светлый’. Но Галатовский, объясняя символическое значение слова *лен*, использует наблюдения из реальной жизни, поэтому *лен* означает у него ‘умертвление плоти и терпение’. На основании этих признаков и осуществляется сравнение с Богородицей: *Дѣл знѣчнѣт оумертвѣнне, н терпѣнне* бо егѡ мѡчатъ, ѡшѡтъ, трѣтѣт, бѣютъ, мѣлѣлѣ н прѣтла Дѣл оумертвѣнне... н терпѣнне... Это оригинальный авторский образ, символическое значение мотивировано свойствами самого предмета. Такой интерес к конкретным бытовым деталям разрушает, снижает символ.

циклопедия, 1991. С. 710], ‘животное нечистое’ (Лев. 11 : 5; Втор. 14 : 7); ‘горная мышь, которая строит свой дом на камне’ (Притч. 30 : 26). Образ *хирогиры* в проповеди объясняется по притчам и сравнивается с образом человека, возводящего свой дом на камне веры, *краеугольном камне* (Мф. 21 : 42; 12 : 10): *Хирогиры* значить людей вѣрных, которыхъ вѣрять въ Хл...

Саранча – традиционный многозначный образ. В Священном Писании имеет следующие значения: ‘животное чистое’ (Лев. 11 : 22); ‘орудие гнева Господня и наказания’ (Втор. 28 : 38–42; 3 Цар. 8 : 37; Исх. 10 : 4–15; Откр. 9 : 3–5); ‘восьмая казнь египетская’ (Исх. 10; 4; 15), ‘образ множества’ (Наум. 3 : 15–17). Таким образом, преобладает негативное восприятие этого образа. Неожиданно проповедник актуализирует периферийное значение ‘люди, которые живут по заповедям Божиим, согласно’ (Притч. 30 : 26): *Саранча* значить тѣхъ же хртїанъ вѣрныхъ, которыхъ немалое при собѣ видома Хл Црл славы, живуть по правде и заховуть приказанъ Хвы.

Слово *паук* (Ис. 59, 5; Иов. 8 : 14) имеет негативную семантику. Но автор, опираясь на Книгу притчей Соломоновых (Притч. 30 : 28), сближает людей богомысленных с этими насекомыми: *Паукъ* значить людей богомысленныхъ, которыхъ мыслятъ въ речяхъ нѣжныхъ.

Названные образы не получили никакого дальнейшего метафорического развития в проповеди и важны были только для воплощения авторского замысла: в необычной форме передать одну из основных идей христианства – спасение души. Желая *повабити* (позабавить) слушателя, Галатовский «переворачивает» традиционную христианскую символику.

В основной части, раскрывая смысл первой строки *Исчисли мне, что еще не пришло* (3 Езд. 15 : 41), Галатовский обращается к Книге пророка Амоса, в которой говорится о гневе Господнем на народ израильский и о его грядущем наказании (Ам. 14 : 18). Проповедник произвольно включает в Библейский текст о видении пророка Амоса образ *гака на яблоне* (*гак*, укр. – ‘крюк’). Такого образа не существует, он создан автором контаминацией (наложением) нескольких образов по ассоциации. Образ *корзины с*

плодами произвольно заменен автором образом *плодового дерева*.

Ам. 8 : 1: *Такое видение открыл мне Господь Бог: вот корзина со спелыми плодами*. Ср. у Галатовского: Господи виждь *гакъ* на *яблока*...

Ам. 8 : 2: *Господь сказал мне: приспел конец народу моему, Израилю: не буду больше прощать ему*.

Ам. 4 : 2: *...придут на вас дни, когда повлекут вас крюками и остальных ваших удами*.

Образы *крюка (гака)* и *корзины с плодами (яблоками)* ассоциативно объединены здесь общей темой – наказание и смерть. *Гак* символизирует угрозу: человек, как яблоко, может быть «вырван из жизни»: *Гакъ* называється смерть, въ она людей на свѣтѣ гакъ *яблока* порывається и до гробѣ провадять.

Образ *корзины с плодами* угадывается в контексте в значениях ‘гроб’, ‘плен’, ‘неволя’.

Тему Страшного Суда продолжает в этой же проповеди апокалиптический образ *ангела с серпом на облаке* (Откр. 14 : 18). Автор пересказывает этот фрагмент (Откр. 14 : 15–20) и дает подробное толкование по Андрею Кесарийскому: *серп* и *точило* означает ‘суд Божий’, *трава* – ‘люди верные’, *виноград в точиле* – ‘грешники в аду’ (Откр. 14 : 19). Это традиционные символы, в толковании которых автор следует канону.

Образами грешников в проповедях Галатовского являются *аспид глухой, гипокентавры, дуб, ежи, кедр, кипарис, козлища, кони, лавр, лев, плевелы, сирены, смоква неплодная, тернии, тополь, уж*. Образами святых, кроме рассмотренных выше, становятся *ветви маслины, виноград, кедр, кипарис, кони, лев, маслина, овцы, олень, финик*.

Контекстное окружение конкретизирует значения символов *кони, лев*.

Так, рыканию льва уподобляется Слово Божье (Иов 4 : 10–11). Рыкающему льву, ищущему поглотить человека, уподобляется дьявол (1 Петр. 5 : 8). Сила, красота, нрав этих животных лежат в основе многих метафорических сравнений. *Лев* – символ евангелиста Марка: *Бо онъ писалъ въ вѣкѣнїю Хвѣм* (второе Слово на Вознесение). В первом Слове на Вознесение, описывая в заключении трон царя Соломона (3 Цар. 10:20), *двенадцатью золотыми*

львами у подножия трона Галатовский называет двенадцать апостолов, так как, *яко лвы рыком своим людей ѿстрашашуть, такъ аптолове окомъ бжѣмъ людей грѣшныхъ ѿстрашаша*. Образ льва получил у Галатовского новое значение: символ воскресения Христова. Оно уже актуализируется во втором Слове на Вознесение (см. выше). Возможность сравнения Христа со львом автор объясняет мифическими свойствами животного. Как лев три дня и три ночи спит, а потом просыпается и выходит из пещеры, такъ *Хъ три днѣ и три ночи был мѣртва въ гробѣ, потымъ всташъ з мѣртвахъ и вышолъ з гроба* (второе Слово на Воскресение). В «Физиологе» такими качествами обладает не лев, а панфир (пантера) [Белова, 2001. С. 201]. У льва среди одиннадцати (!) выделенных символических значений нет значения 'воскресение'. Но проповедник сознательно подменяет образы. Во-первых, в Новом Завете сказано: *Победил лев от колена Иудова* (Откр. 5 : 5), а Иисус Христос восходит к колону Иудову. Во-вторых, в Ветхом Завете в пророчестве Иакова своим сыновьям Иуда назван *молодым львом* (Быт. 49 : 8–12). И, в-третьих, образ *Иисуса Христа* – *Царя* больше ассоциируется со львом, чем с пантерой.

Один из прообразов воскресения Христова в Священном Писании – *Даниил во рву со львами* (Дан. 14). Символическое значение слова лев – 'дьявол' (в обобщенном смысле), 'пособники дьявола', 'грешники' (в более конкретном смысле): *фарїсен, саддѣкен и иншии жиды, котрые мѣртва хтѣ*.

Таким образом, в границах одной проповеди автор показывает многообразие символа лев и, следуя традиции, создает свое символическое значение – 'воскресение'.

В библейских текстах часто встречается образ коня, воспеваются его красота, неутомимость, сила и т. д. (Песн. 1 : 8; 4 Цар. 15 : 15; Экл. 10 : 7; Иов 39 : 19–25 и пр.). *Конями* И. Галатовский называет апостолов: *бѣмъ они хъ въ сердцѣхъ и въ оучахъ своимъ носили, проповѣдаючи егѡ по свѣтѣ* (второе Слово на Вознесение). *Конями* названы и люди грешные: *фарїсен, саддѣкен и иншии жиды* (перечисление грешников занимает целый лист), на которых *фараон* ('дьявол') ездит (второе Слово на Богоявление).

Интересную трактовку проповедник дает образам деревьев. В первом Слове на сошествие Св. Духа он в свободном порядке перечисляет деревья, которые объединены по признаку 'высокие'. Это *тополе... лавры кѣдрѣ... кипарисы пахнѣчи (кипарисы)...* *Дѣбѣ валанскѣи, кедры ливанскѣи*.

В Священном Писании Лексема *тополь* не имеет символического значения, используется только в номинативной функции (Быт. 30 : 37; Ос. 4 : 13, в последней Книге восхваляется тень от дуба и тополя). Слова *лавр* нет в Священном Писании. Библейская энциклопедия отмечает, что в славянской Библии ему соответствуют *кедры ливанские*, а в русском переводе – *укоренившееся многоветвистое дерево* (Пс. 36–35) [Библейская энциклопедия, 1991. С. 420]. Символическое значение 'возвеличившийся, гордый человек', вероятно, связано с распространенной в Греции и Риме традицией награждать победителей лавровым венком. Скорее всего, именно этим и объясняется выбор автора. *Кедр, дуб и кипарис* – это традиционные многозначные символы. Образы этих деревьев очень часто встречаются в Священном Писании. Автор называет всего пять деревьев, но здесь могло быть любое количество, наделенных общим признаком 'высокие'. *Тополь* и *лавр* – произвольный выбор проповедника, символическое значение в тексте – 'люди гордые, возвеличенные, высокие'. Как ветер в бурю выворачивает с корнем высокие деревья, так *Дѣбѣи въкорочаетъ и въкореняетъ зъ свѣта людей пышныхъ надѣтыхъ и высокомысленныхъ, котрые на деревьяхъ высокими называютъ*. *Высоким деревом* называл пророк Даниил вавилонского царя Навуходоносора (Дан. 4 : 19); Галатовский цитирует: *Се дѣбѣи средѣ земли*. В книге пророка Даниила вообще нет образа дуба, но есть *высокое дерево* как символ возвеличивания. Слово *дуб* в таком символическом значении (а также *кипарис* и *кедр*) встречается в книге пророка Захарии (Зах. 11 : 1–2).

В первом Слове на Благовещение *кедр, кипарис и финик* – символы возвеличивания Богородицы (Сир. 24 : 14–15). В этой главе поэтически прославляется премудрость Божия (Сир. 24). Но Галатовский берет только первых три образа, а об остальных (*розовые*

кусты, маслины, платан, виноградная лоза и т. д.) он умалчивает. Образы *кедра*, *кипариса* и *финика* не получили никакого поэтического развития в проповеди, они дважды упоминаются: в эпиграфе и во вступлении. Это тоже авторская позиция – удивить слушателей, вместо ожидаемой пышной библейской поэзии им представлена сухая схоластика, которая из возвышенного *кедра ливанского* делает докѸ *кедровѸ* для *дверн* (*дверь* означает Богородицу, символическое значение ‘связь земли и неба’: *Бо презз неи Хѣ, такъ презз дверн пришлоз з Неа на землю*).

В первом Слове на Рождество Богородицы *кедр* – символ девственности, потому что он вечнозеленый: *кедр забше лѣтѣ и зимѣ кѣѣтнѣтъ, такъ дѣвнцѣтво прѣтѣой дѣвы... кѣѣтнѣло н... кѣѣтнѣтъ* (цветет).

Кипарис – символ славы Пресвятой Девы, так как кипарис хорошо пахнет и его запах далеко разносится, *такъ и слава прѣтѣой дѣвы... в далекихъ сторонахъ чѣютъ*. Обоснование переносного значения реальными свойствами объекта (‘вечнозеленый, пахучий’) позволяет определить эти образы как метафорические.

Таким образом, свободное обращение со словом, внимание уже не столько к символическому, сколько к прямому значению, стремление объяснить выбор слова-символа не через Библию, а через естественные связи предметов и явлений – все это приводит к разрушению символического единства слова.

Но если такие новые образы или новые значения достаточно органично вплетались в канву проповеди, то образы, пришедшие из мифологии, астрологии совершенно чуждые и неуместные, буквально врывались в проповедь, разрушая сакральность текста.

Так, из мифологии пришли курьезные образы Геркулеса и разбойника Какуса. Коза Амалфея, вскормившая Зевса, сравнивается с Девой Марией, а Персей, спасший от смерти Андромеду, – с Иисусом Христом, который «вызволит от смерти Богородицу». Пришедший из астрологии образ созвездия Змееносца автор сравнивает с Богородицей. Это, конечно, единичные, чуждые вкрапления, но они свидетельствуют о секуляриза-

ции сознания проповедника: для него важен не столько духовный смысл, сколько художественная ценность образа. Поэтому и сам автор выступает как *создатель, творец* текста, в котором он дает *свою* интерпретацию Священного Писания.

Составление проповеди похоже на плетение причудливого узора: сочетаются чуждые по своей природе и сфере употребления слова, представления и художественные образы. Священное Писание и астрология, история и мифология, теология и народные поверья – все это выстраивается в какой-то иерархической последовательности, образуя целое гармоничное «казане», в котором «интерес содержания сменяется интересом формы» [Виноградов, 1982. С. 25]. Это была новая проповедь, которую не знали в Московской Руси. И она на долгое время определила развитие церковного красноречия в России.

Список литературы

Белова О. В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. 320 с.

Библейская энциклопедия: Репринтное изд. М.: Терра, 1991. 902 с.

Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе с параллельными местами и приложением. М.: Рос. библейское об-во, 2007.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Учебник. М.: Высш. шк., 1982. 528 с.

Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь: Репринтное изд. М.: Изд-во отд. Московского патриархата, 1993.

Заворина Т. И. Роль «Риторики Иоанникия Галятковского» в истории церковнославянского языка // Те́хнѣ урѣцѣатѣкѣ (Искусство грамматики): Межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. гос. ун-т; Православная Гимназия во им. Преподобного Сергия Радонежского. Новосибирск, 2008. Вып. 3. С. 193–210.

Левшун Л. В. О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII вв.: Моногр. Минск: Белорус. Православная Церковь, 2009. 896 с.

Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех, как мировоззрение и другие работы. СПб.: Алетейя, 2001. 566 с.

Сумцов Н. Ф. К истории южнорусской литературы XVII в. Киев, 1884. Вып. 2.

Материал поступил в редколлегию 01.02.2011

T. I. Zavorina

**PLANT AND ANIMAL SYMBOLISM IN I. GALYATOVSKIY'S SERMONS:
NEW TRENDS IN SYMBOL INTERPRETATION**

The article describes the shifts in the Old Slavonic system of symbols caused by the process of secularization and the influence of baroque. The new ways of interpretation of traditional Christian symbols by Ukrainian preachers of XVII century (on example of I. Galyatovskiy's works) are analyzed.

Keywords: Church Slavonic language, symbol, metaphor, image, sermon, tradition.